

Впервые за много лет Вейдер чувствовал себя рассеянным во время встречи... и все из-за нее. Этот проклятый сенатор. Эта мысль взбесила его. Он ненавидел быть таким. Рассеянным. Само слово вызывало у него тошноту. Обычно за такое поведение он убивал других. Рассеянный ум приводил к ошибкам, ошибки означали недостатки, а в его рядах не терпели ничего менее совершенного. Ряды Дарта Вейдера были безупречны, и он делал все необходимое, чтобы сохранить их такими.

Например, быть внимательным на собрании!

Он внутренне зарычал на свои мысли. Это казалось такой простой задачей, но в то же время невыполнимой. Военные собрания были тем, чем он обычно обогащался, в конце концов, он был Верховным Главнокомандующим Имперских Сил Империи. Обычно он вел совещание и не позволял идиотам в комнате разгуливать на свободе. Что они знали такого, чего не знал он? Ничего. Они были глупцами, которые даже не могли управлять простым совещанием без его указаний. Во время совещаний его цели были ясны, правила установлены, а его приказы были окончательными. Он без остановки рассказывал о своих планах по расширению Империи, уничтожению джедаев и разгрому Альянса повстанцев. Если кто-то осмеливался не согласиться с его приказами, его ждал конец от его руки. Это было просто. Это было эффективно. Это было безупречно. Три вещи, которыми он восхищался... но не сегодня.

Сегодня он замолчал, даже не слушая, как препираются перед ним другие. Этого он никогда себе не позволял. Препирательства были бессмысленны. Это напоминало ему о политиках. Политики здесь не были главными. Только он был главным. Он всегда контролировал свои ряды, даже когда был занят. Он был занят, а не мертв. В отличие от других в этом положении, он все еще знал, что происходит вокруг него. Он чувствовал нежелание генералов и военачальников говорить без его участия, их страх перед его несогласием и нервозность из-за его молчания, но его это почти не волновало. Он знал, что они не настолько глупы, чтобы спрашивать, а если бы спросили, он бы их прикончил.

Прикончить их. Вот это была удовлетворительная мысль. Он ненавидел каждого мужчину в этой комнате... но не так сильно, как ненавидел ее.

Сенатор Амидала.

Он должен был выкинуть ее из головы. Это было ясно. Она была опасна. Она была демоном - нет. Она отстаивала все, против чего он выступал, поэтому они не могли быть одним целым. Она была его пыткой, но не демоном. Она не была адом и не была злом. Он был. Он жил в аду, он наслаждался своим адом; она была лишь заперта вместе с ним. Он был демоном. Она была ангелом. Они были двумя противоречивыми фигурами, пути которых никогда не должны были пересечься. Добро против Зла. Тьма против Света. Демон против Ангела. Ситх против Сенатора. Они должны были уничтожить друг друга... и в данный момент казалось, что сенатор одерживает верх.

Но тьма всегда побеждает. Темная сторона сильнее. Не так ли?

Вейдер крепко сжал кулаки под рукавами, борясь с желанием начать вышагивать по комнате. Такого желания у него не было уже очень давно. С тех пор, как он был мальчиком... когда он был кем-то другим. Движение всегда приносило ему успокоение. Это был способ убежать; выпустить энергию и конфликт, который накапливался внутри него. Это помогало ему думать и решать проблемы. Это была привычка, от которой его заставили отказаться во время обучения, но, похоже, старые привычки умирают с трудом.

Комфорт? Старые привычки? Я становлюсь слабым?

Вейдер нахмурился. Он был Дартом Вейдером, Повелителем Ситхов. Он не мог позволить себе роскошь. Роскошь - это слабость, а он не был слабым. Ему нельзя было быть озабоченным. Ему не разрешался комфорт. Ему не разрешалось шагать. Он был искусен, неподвижен, устрашающ и страшен. Таким, каким его обучил Учитель. Он больше не был тем мальчиком, который имел привычку шагать, чтобы оставаться спокойным. Он был Дартом Вейдером, а у лорда Вейдера не было привычек.

Так было, пока не появилась она... ангел, которую он ненавидел.

Что в ней было такого, что его так раздражало? Что в ней было такого, что привело его в замешательство? Что в ней было такого, что заставляло его желать задушить в ней жизненную силу? Почему она так глубоко затронула его? Она была у него под кожей, засела в его сознании и мучила его при каждой мысли о ней. Она что-то сделала с ним. Что-то, чего никто и никогда не делал раньше, но он не мог этого объяснить. Ничто не имело смысла.

Когда это он защищал кого-то? Когда его волновала боль или страдания, которые он причинял? Когда он исцелял кого-то, кроме себя? Когда он совершал поступок, не имея ничего взамен? Никогда... только ради нее.

Какой в этом смысл?

Он хотел убить ее, но при этом защищал ее от других. Он хотел сломать ее, но ничего не сделал, когда у него был шанс. Он вел с ней переговоры. Он остался с ней. Он исцелил ее. Список был бесконечен. Почему?

Он не знал.

Он терял себя. Он знал это. С юных лет Вейдера учили не заботиться ни о чем и ни о ком. Только о себе. У него не было чувств. У него не было конфликтов. У него не было чувства вины. Ему было все равно... но как же ему было не все равно, когда он увидел этот изъян на ее идеальной коже; изъян, который он вызвал. Как только он увидел его, он понял, что должен избавиться от него. Поэтому он исцелил ее. Когда она уснула, он снял перчатку и прикоснулся к ней. Кожа к коже. Чувство, которого он не испытывал столько лет. Это длилось всего секунду, но этого было достаточно. Он никогда не прикасался ни к кому просто так. Он даже не мог вспомнить, когда в последний раз прикасался к человеку без перчатки, но это было... приятно. Ощущение его плоти против ее плоти высвободило что-то в нем. Что-то, что он не мог

объяснить.

Он пытался сказать себе, что это просто человеческий контакт, которого он был лишен с юности. Его никогда не трогали кожа к коже, и он никогда не общался. До недавнего времени. Единственное человеческое общение, которое он получал, находясь под опекой своего мастера, - это боль и пытки. Когда он стал взрослым, мало что изменилось. Его пытали, когда его учитель был недоволен. Его держали подальше от жадных глаз прессы и общественности. Он оставался изолированным, использовался только при необходимости и встречался с другими только в случае крайней нужды. Он стал монстром, злым призраком, который больше не был человеком. Он был лучше этого. Он был лордом ситхов, слишком могущественным и чудовищным, чтобы считаться человеком.

Дарт Вейдер уже давно смирился с тем, что его никогда больше не будут считать человеком. Он был слишком далеко на своем пути, чтобы когда-нибудь вернуться, да он и не хотел этого. Он был на пути к достижению всего, о чем мечтал. Это был лишь вопрос времени, когда он потеряет тот багаж, который его удерживал... свою человечность, или хотя бы то небольшое, что осталось. Часть того юноши, которым он был раньше, все еще оставалась в нем. Он знал это. Мальчик был в самых глубоких уголках его сознания. Он смотрел на него каждый раз, когда он видел свое отражение: голубые глаза, загорелую кожу или темно светлые волосы. Все это напоминало ему, что он все еще человек, что он все еще раб... но скоро все следы этого мальчика сгорят, и из пепла восстанет видение его мастера - истинный Дарт Вейдер. Скоро он действительно станет чудовищем. Скоро он потеряет все, что напоминало ему о том мальчике. Вскоре он станет настоящей машиной для убийства, и никто не сможет его остановить. Он станет настоящим Дартом Вейдером.

"Добрый день, господа!" объявил Гранд-Мофф Таркин, входя в комнату и прерывая мысли Вейдера. "Боюсь, моя встреча с Императором немного затянулась, - продолжал Таркин, обходя Вейдера и направляясь к своему месту, - приношу вам свои глубочайшие извинения".

<http://tl.rulate.ru/book/79802/2437500>